

ВЕСТНИК ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

ACTA INSTITUTIONIS ORIENTALIS

№1(13)т.7. 2001

in memoria of Isolda E. Tsiperovich

Санкт-Петербург

Каталог может послужить источником информации для исследователей китайской литературы и других специалистов в области изучения Китая.

Вал.В. Полосин

“Святое Евангелие”. Метрологическая загадка на старом переплете.

Старые издания, очень часто – с устаревшим (в научном отношении) содержанием, всегда создавали проблемы в ведомственных библиотеках Советского Союза. Чтобы поддерживать удовлетворительный баланс между ограниченной библиотечной площадью и непрекращающимися поступлениями новой литературы, устаревшие издания полагалось изымать из фондов и передавать в крупные библиотеки-депозитарии. Формально это положение распространялось и на библиотеку Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР¹. Но фактически, сама эта библиотека, существующая с 1818 г., уже давно сложилась как центральное в стране хранилище восточных и востоковедных изданий. И хранители многочисленных и многоязычных фондов этой библиотеки – одним из них многие годы была и Изольда Эмильевна Циперович – десятками находили в устаревших книгах те или иные достоинства, допускающие сохранение таких книг в библиотеке. На одно из таких “устаревших” изданий обратила в ходе инвентаризации Турецкого книжного фонда внимание И.П.Лемешева. Оно и мне показалось действительно интересным в контексте, о котором пойдет речь ниже.

Книга представляет собой османско-татарский текст “Нового Завета” (“Инджил мукаддас, йа’ни `Иса Масихнинг йанги васийяти”)². напечатанный в 1887 г. в типографии Казанского университета (цензурное разрешение от 20 июня 1885 г.). По содержанию она представляет некоторый интерес в довольно узкой области – в истории новозаветных переводов на территории России (библиографический, лингвистический и миссионерский аспекты). Читательского же спроса она не имеет, так как и язык, на который переводилось это “Евангелие”, и арабская графика, которой оно напечатано, давно уже вышли из обращения у татар (а арабская графика – практически и у всех других тюркоязычных народов мира). Но переплет этой книги вызывает живой интерес, и не в последнюю очередь как раз в связи с тем, что издание этого чисто христианского памятника имело место не где-нибудь, а в Казани, всероссийском центре

¹ Теперь: Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН.

² Справкой о языке перевода я обязан тюркологам И.П. Лемешевой и В.Г.

книгопечатания для мусульман, каким она была до самого конца XIX в. Издание вероятно предназначалось в первую очередь для крещенных и крещаемых татар. Восточный язык книги и арабский наборный шрифт вполне, конечно, объясняют выбор Казани в качестве места издания и в этом случае. Но вот переплет нашего экземпляра, точнее – блинтовое тиснение на его крышках (замечательный стильный орнамент), вызывает в связи с Казанью вопросы. Казанского ли он происхождения?

Известно, что в 80-е годы XIX в. типографии все еще выпускали книжные тиражи только в бумажных обложках, а твердый переплет покупатель, при желании, заказывал в переплетных мастерских, работавших обычно при книжных магазинах. Это означает, что казанское издание “Нового Завета”, о котором идет речь, могло дойти до нашего времени как в одинаковых (типографских) бумажных обложках, так и в твердых, но разного оформления переплетах (из разных мастерских). Особенностью нашего экземпляра “Нового Завета” является то, что сложное тиснение на его переплете промеряется не в российских единицах длины, а в... сирийских (в долях так называемого дамасского локтя³).

В целом, арабо-христианские переплеты известны в настоящее время более чем поверхностно. Что же касается специально сирийской ветви этого прикладного искусства, то никто, кажется, кроме Ф. Дероша, еще не решился предложить хотя бы один конкретный образец на рассмотрение. Все дело в том, что до сих пор у исследователей нет никакого *объективного* критерия для того, чтобы устанавливать сирийские черты в той или иной переплетной работе⁴. Вопрос об общих и особенных чертах в разных книжно-рукописных традициях Христианского Востока поднят недавно О.В. Васильевой⁵, но это – пока что план

³ О дамасском локте см.: В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с немецкого Ю.Э. Брегеля. М., 1970, с. 66.

⁴ Мусульманские переплеты из Сирии называет Д. Дула (см. Textband, S. 336-338; указатель переплетов): A.F. 89 (Aleppo, 1458; Abb. 97), Mixt. 1450 (Aleppo, 1538), Mixt. 770 (Damaskus, 17th c.), N.F. 44 (Damaskus, 1758), Anhang: H.O. 196 (Damaskus, 1762), Anhang: Mixt. 712 (Damaskus, 1797), N.F. 115 (Syrien, 1674), Anhang: A.F. 238 (Syrien, 1746), Anhang: Mixt. 714 (Syrien, 1779), Mixt. 772 (Syrien, 18th c.), Anhang: Mixt. 1560 (Syrien, 1849). Впрочем, все переплеты локализованы ею по месту переписки рукописей, ряд локализаций, когда место переписки неизвестно, сопровождается вопросительным знаком, а опубликован, из всего приведенного списка, и вовсе только один переплет. Аналогичный характер носят и те данные о сирийских переплетах, которые содержатся в книге: M. Weisweiler. Der islamische Bucheinband des Mittelalters nach: Handschriften aus Deutschlandischen und türkischen Bibliotheken. Wiesbaden, 1962 (Beiträge zum Buch- und Bibliothekswesen, Bd 10). Вот, однако, публикация другого, кажется, рода: Déroche F. Quelques reliures médiévales de provenance damascaine. - Revue des études islamiques. T. 54, 1986, p. 85-99. Весь материал, указанный в настоящем примечании, относится только к средневековым переплетам на арабских рукописях.

⁵ О.В. Васильева. Христианские рукописи Востока в Российской национальной библиотеке. – Первые Дмитриевские чтения. СПб., 1997, с. 147-163.

предстоящих исследований. Все же уже сейчас она отмечает, опираясь на богатые собрания Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург), что в восточно-христианских *рукописях* “Региональные отличия наиболее заметны в орнаменте переплетного тиснения”. Но что касается специально арабо-христианских переплетов из Сирии, то – повторю это еще раз – ни на рукописях, ни на типографских книгах они еще не изучались. Возникающая из-за этого некомпетентность дает о себе знать подчас в неожиданных ситуациях. Например, при описании арабо-христианских рукописей из собрания Ж.-Б.-Л.-Ж. Руссо⁶ для/при заполнения вполне “дежурной” позиции о переплете (восточный или европейский?) именно из-за тисненых орнаментов не удалось определить, европейского ли происхождения некоторые переплеты или местного, арабо-христианского. Оказалось, что их можно спутать между собой.

Учитывая отмеченные сложности различия европейских и арабо-христианских орнаментов на переплетах (по крайней мере, для XVIII-XIX вв.), мы и прибегли в данном случае к метрологическому анализу орнаментального тиснения как к новому критерию в локализации переплетов, подходящему, может быть, не к одному только данному случаю.

Хотя в казанском издании “Евангелия” нет ни одного слова по-русски, переплетчик знал, что переплетает Священное писание. Об этом говорит весь стиль переплетного украшения. Так, цветочная композиция в центральном медальоне состоит из 16 компонентов⁷. Из элементов этой композиции, взятых парно, складываются по крайней мере два *креста* разных конфигураций⁸. А кресты – это обычный символ на христианских изданиях библейских книг. Сакральную тему в дизайне продолжают – справа и слева от медальона – переплетения в главной рамке, стилизованные под греческую букву χ (= Христос). Угловики причудливой формы, кажущиеся просто геометрическим хитросплетением, являются (при арабской версии) в высшей степени изысканной каллиграммой, работающей на ту же тему. Еще столетием раньше такая каллиграмма была бы совершенно

---

⁶ Две рукописные коллекции Ж.-Б.-Л.-Ж. Руссо (1780-1831) хранятся ныне в СПб Филиале Института востоковедения. Будучи французом, Руссо жил на Ближнем Востоке (в том числе и в Сирии), где и собрал большую коллекцию рукописных книг на арабском, турецком и персидском языках. Мусульманские переплеты на этих книгах определяются без труда. А с христианскими по указанной причине возникает проблема: восточно-христианского ли они происхождения или европейского? Вель в сиропалестинском регионе жила большая колония европейцев, среди них могли быть и переплетчики. Кроме того, собранные Руссо рукописи (или их часть) могли побывать во Франции, т.к. их владелец сначала пытался продать их французскому правительству. В этом случае некоторые из них могли получить свои переплеты во Франции.

⁷ Это число “перекликается” с высотой этого медальона (16 ша). Арабские мастера любили подобные аллюзии. Пользовались ли подобным приемом европейские дизайнеры, я не знаю.

⁸ На корешке тоже есть стилизованные кресты.

невозможной, но теперь, к концу XIX в., ее уже вполне можно было: каллиграфу – придумать, а зрителю – прочитать. И вот в *каждом* отдельно взятом угловике действительно можно прочитать по-арабски слово: “Ахмаду” (т.е. “Славлю”)⁹. А *два* угловика *вместе* (на любой из четырех сторон переплета) читаются при этом не “Славлю, славлю”, а... уже как целое предложение: “Славлю Господа” (“Ахмаду Илаха”)! Этот каллиграфический, с минимальными “передержками” в правописании, трюк мог появиться на переплетных орнаментах вероятно только в XIX в. Он обязан своим появлением на свет не только непосредственному создателю данного орнаментального украшения. Рождению этого трюка способствовали особенности самого арабского письма и соединение воедино двух разных, долго развивавшихся раздельно каллиграфических стилей – древнего строительного куфи со своими каллиграммами и позднего турецкого *сульса*. У каждого сложился свой собственный способ воплощаться в каллиграммы, но в нашем случае мастер сумел преодолеть замкнутый характер обоих стилей и создал на их основе новый тип каллиграммы¹⁰, в которой графический орнамент сливается с каллиграфией.

К живописной компоненте относится и то последнее, что еще остается сказать об этом шедевре переплетного дизайна. Крышки переплета обтянуты тонкой красной материей. Блинтовое тиснение на таком фоне, благодаря какому-то технологическому секрету, создает удивительный эффект перехода одного цвета в другой, стоит только изменить угол зрения или местоположение источника света. Нетронутый тиснением материал (по всей крышке) чередует, при поворотах книги, красный и розовый цвета. А тисненные линии орнамента меняют в это же время даже три цветовых оттенка: красный, темно-карминный и еще глянцевый блеск, который воспринимается скорее как переплетное золочение. Эта цветовая игра чрезвычайно обогащает орнамент.

Каким образом сирийский переплет мог оказаться на казанском издании? Я предвижу только два возможных ответа. Один из них состоит в том, что “Евангелие” побывало на Святой земле с одним из российских православных паломников и там, где-то в Сирии или близ нее, было переплетено местным переплетчиком,

---

⁹ Слово читается в правом нижнем углу переплета при каждом повороте книги на 90°.

¹⁰ От каллиграмм со строительным куфи позаимствованы прямоугольные формы письма и порядок чтения на углах каллиграмм (при переходе к каждому следующему углу нужно поворачивать объект с текстом на 90°. От турецкой каллиграфии взяты приемы изобретательного соединения соседних букв (даже таких, которые в нормативной орфографии никогда не соединяются друг с другом).

после чего вернулось в Россию. На одном из его форзадных листов стоит, кстати, чья-то круглая владельческая печать с литерами А.У. или У.А.¹¹. Расшифровка этих инициалов могла бы, наверное, пролить дополнительный свет на историю этого экземпляра и на всю проблему с его переплетом¹². Второй возможный ответ сведется к тому, что кто-то в России покупал на Востоке переплетные штампы местного изготовления для последующего использования их в российских мастерских, и этот “кто-то” скорее всего жил в Казани. Но сведения такого рода мне в литературе никогда не встречались, хотя в Татарстане много занимались историей книгопечатания в Казани и сопутствующими этому сюжетами. В случае использования в России штампов, привезенных с Востока, сохраняется вероятность новых встреч с замечательным орнаментом и при этом не обязательно на “Евангелиях”¹³.

Конечно, я допускаю, что версия об арабском происхождении публикуемого мной переплета может впоследствии не подтвердиться. Но если орнаменталистом-переплетчиком вместо сирийца окажется в конце концов европеец, то метрологическая загадка на переплете “Евангелия” так и останется загадкой подобно случаю, 85 лет назад описанному И.Ю. Крачковским¹⁴.

Т.А.Пан

История образования и каталогизации маньчжурского фонда СПб Ф ИВ РАН.

Маньчжурская коллекция Рукописного Отдела Института востоковедения СПб Ф ИВ РАН является самым большим собранием как в Европе, так и за пределами континентального Китая. В фонде имеется 10547 единиц хранения, из которых 10187 единицы являются ксилографами, 360 — рукописями. Как и во всех дальневосточных фондах, центральное место в

¹¹ Исследуемый экземпляр “Евангелия” попал в библиотеку СПб Ф ИВ не прямо из Казани, а из какого-то книжного распределителя. Об этом говорит не только печать прежнего владельца, но и карандашная пометка “бог[ословие?] 120”.

¹² Владельца “Евангелия” можно искать в любой среде. В связи с его инициалами мне вспомнилась дореволюционная статья Муркоса “О рукописном сборнике XVII в. на восточных языках из собрания графа А.С. Уварова”. Граф не знал восточных языков, но рукопись восточную имел.

¹³ Оттиск орнамента на крышках переплета делался не с цельнолитой пластины, а с нескольких штампов, составленных в композицию. На графитных протирках состыковка штампов не видна, но на самом переплете вполне различима. Разборный характер использованной в “Евангелии” композиции говорит о том, что те же штампы можно встретить на переплетах и в сочетании с совсем иными штампами.

¹⁴ Крачковский И.Ю. Арабские рукописи в русских монастырях (Библиографическая загадка). — Избранные сочинения. VI. М.-Л., 1960, с. 364-372.